

ЗОЛОТАЯ
серия поэзии

Роберт Рождественский

ЭХО ЛЮБВИ

Москва
2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р62

Составители *А. Киреева, К. Рождественская*

Фотографии из архива семьи Рождественских

Оформление серии *Алисы Самойловой*

В оформлении обложки использована фотография:
© MorganStudio / Shutterstock.com;

Иллюстрация на корешке: © donatas1205 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Рождественский, Роберт Иванович.

Р62 Эхо любви / Роберт Рождественский. —
Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. : с ил.

ISBN 978-5-04-118370-7

Роберт Рождественский родился поэтом. Его интонацию не спутаешь ни с какой другой. В шестидесятые годы, когда поэзия вырвалась на площади и стадионы, он заявил о себе громко, ершисто, обращаясь к своим сверстникам, «парням с поднятыми воротниками», таким же, как и он сам. А потом был «Реквием», и лирика, и пронзительные последние стихи. И, конечно, песни — они звучали по радио, их пела вся страна, они становились лейтмотивом наших любимых картин. Достаточно вспомнить хотя бы это: «Не думай о секундах свысока...»

Роберт Рождественский, поэт и человек, предстает перед нами со страниц этой книги.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Рождественский Р.И., наследники, 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-118370-7

Отцу

Мы не виделись уже девять лет. Твои старые письма желтеют, а твои свитера, которые я ношу, уже не пахнут тобой. Твой голос остался только на пленке, кричит и шепчет из прошлого века. Твоя стихотворная «лесенка» в сегодняшней поэзии вышится гордым, почти разрушенным памятником архитектуры, по которому никто не ходит — в лучшем случае послушают экскурсовода, посмотрят на масштаб, примут во внимание «сложное, неоднозначное время».

Эта «лесенка» ведет в небо.

Мы не виделись уже девять лет. Уходя, ты сказал: «Счастливы вам, девочки мои».

Я не знаю, как можно быть счастливой без тебя.

...В этой книге — твоё время, то самое, «сложное и неоднозначное», шальное и страшное, каким ты его видел и знал. И ты — каким оно видело тебя.

Сегодня твои стихи уже не воспринимаются как эхо времени. Скорее, само время кажется лишь отзвуком стихов, их заголовком — или последней строчкой.

Но я собирала эту книгу не для того, чтобы пере-

дать дух времени, и не для того, чтобы еще раз вспомнить о тебе — я помню тебя всегда. И не для того, чтобы рассказать кому-то: вот, жил такой поэт, писал стихи, был молодым, а потом перестал быть молодым, а потом умер, но стихи остались.

Я просто надеюсь, что тебе понравится. Или хотя бы будет интересно.

И еще одно — то, что я почти никогда не говорила тебе, но ты ведь и так это знаешь, правда?

Я люблю тебя.

Ксения Рождественская

Т О Л Ь К О
д е т с т в о

1936 год

* * *

Я родился —
нескладным и длинным —
в одну из влажных ночей.
Грибные июньские ливни
звенели,
как связки ключей.
Приоткрыли огромный мир они,
зайчиками прошлись по стене.

«Ребенок
удивительно смирный...» —
врач сказал обо мне.
...А соседка достала карты,
и они сообщили,
что
буду я не слишком богатым,
но очень спокойным зато.
Не пойду ни в какие бури,
неудачи
смогу обойти
и что дальних дорог
не будет
на моем пути.
Что судьбою,

мне богом данной
(на ладони вся жизнь моя!),
познакомлюсь
с бубновой дамой,
такой же смирной,
как я...
Было дождливо и рано.
Жить сто лет
кукушка звала.

Но глупые карты
врали!
А за ними соседка
врала!
Наврала она про дорогу.
Наврала она про покой...
Карты врали!..
И слава богу,
слава людям,
что я не такой!
Что по жилам бунтует сила,
недовольство собой храня.
Слава жизни!
Большое спасибо
ей
за то, что мяла меня!
Наделила мечтой богатой,
опалила ветром сквозным,
не поверила
бабьим картам,
а поверила
ливням грибным.

СЫН ВЕРЫ

Я —
сын Веры...
Я давно не писал тебе писем,
Вера Павловна.
Унесли меня ветры,
напевали мне ветры
то нахально,
то грозно,
то жалобно.
Я — сын Веры.
О, как помогла ты мне, мама!
Мама Вера...
Ты меня на вокзалах пустых обнимала,
мама Вера.
Я —
сын Веры.
Непутевого сына
ждала обратно
мама Вера...
И просила в письмах
писать только правду
мама Вера...

Я —
сын Веры!
Веры не в бога,
не в ангелов, не в загробные штуки!
Я —
сын веры в солнце,
которое хлещет
сквозь рваные тучи!
Я —
сын веры в труд человека.
В цветы на земле обгорелой.
Я —
сын веры!
Веры в молчанье
под пыткой!
И в песню перед расстрелом!
Я —
сын веры в земную любовь,
ослепительную, как чудо.
Я —
сын веры в Завтра —
такое, какое хочу я!
И в людей,
как дорога, широких!
Откровенных.
Стоящих...
Я —
сын Веры,
презираю хлюпиков!
Ненавижу плаксивых и стонущих!..

Я пишу тебе правду,
мама Вера.
Пишу только правду...

Дел — по горло!
Прости,
я не скоро
вернусь обратно.

В СОРОК ТРЕТЬЕМ

Везет
на фронт
мальчика
товарищ военный врач...
Мама моя,
мамочка,
не гладь меня,
не плачь!
На мне военная форма, —
не гладь меня при других!
На мне военная форма,
на мне
твои сапоги.
Не плачь!
Мне уже двенадцать,
я взрослый
почти...

Двоятся,
двоятся,
двоятся
рельсовые пути...
В кармане моем документы, —
печать войсковая строга.

В кармане моем документы,
по которым
я — сын полка.
Прославленного,
гвардейского,
проверенного в огне...
Я еду на фронт.

Я надеюсь,
что браунинг выдадут мне.
Что я в атаке
не струшу,
что время мое пришло.

Завидев меня,
старухи
охают тяжело:
«Сыночек...
Солдатик маленький...
Вот ведь
настали дни...»
Мама моя,
мамочка!
Скорей им все объясни!
Скажи,
чего это ради
они надо мной ревут?
Зачем
они меня гладят?
Зачем сыночком
зовут?
И что-то шепчут невнятно,
и темный суют калач...

Россия моя,
не надо!
Не гладь меня!
И не плачь!
Не гладь меня!
Я просто
будущий сын полка.
И никакого геройства
я не совершил
пока!
И даже тебе не ясно,
что у меня впереди...

Двоятся,
двоятся,
двоятся
рельсовые пути...
Поезд идет размеренно,
раскачиваясь нелепо, —
длинный
и очень медленный,
как очередь
за хлебом...

* * *

Взял билет до станции
Первая любовь.
Взял его негаданно.
Шутя.
Невзначай.
Не было попутчиков.
Был дым голубой.
Сигареты кислые.
И крепкий чай.
А еще шаталась монотонная мгла.
А еще задумчиво гудел паровоз....

Там, на этой станции,
вершина была.
Теплая вершина.
До самых звезд.
Ты ее по имени сейчас не зови,
хоть она осталась —
лицом на зарю...

Встал я у подножия
Первой любви.
Пусть не поднимусь уже —
так посмотрю.

Потянулся к камню раскаленной
рукой,
Голову закинул,
торопись и дрожа...

А вершины вроде бы
и нет никакой.
А она, оказывается,
в пол-этажа...
Погоди.
Но, может быть, память слаба?..
Снег слетает мудро.
Широко.
Тяжело.
В слове
буквы смерзлись.
Во фразе —
слова...
Ах, как замело все!
Как замело!..

И летел из прошлого
поезд слепой.
Будто в долгий обморок,
в метели нырял...

Есть такая станция —
Первая любовь.
Там темно и холодно.
Я проверял.

* * *

Та зима была, будто война, —
лютой.
Пробуравлена,
прокалена ветром.
Снег лежал,
навалясь на январь грудой.
И кряхтели дома под его весом.
По щербатому полу мороз крался.
Кашлял новый учитель Сергей Саныч.
Застывали чернила
у нас в классе.
И контрольный диктант
отменял завуч...
Я считал,
что не зря голосит ветер,
не случайно болит по утрам горло,
потому что остались на всем свете
лишь зима и война —
из времен года!

И хлестала пурга по земле крупно,
и дрожала река в ледяном гуже.
И продушины в окнах
цвели кругло,

будто в каждую кто-то всадил
пулю!..
И надела соседка
платок вдовий.
И стонала она допоздна-поздно...
Та зима была, будто война, —
долгой.
Вспоминаю
и даже сейчас мерзну.

